

В ГОСТЯХ

Однажды рай закончится. Мир, где были качели и букет ромашек, сладкий чай, салфетки на столе, вздрогнув, покроется туманом. Сухой и страшной пылью небытия. Разом все станет очень настоящим и пустым, каким-то бездонным. Только листва, вскипая, будет шуметь на ветру, над разрушенным городом.

Тугие лужи, спокойные и неподвижные, подернуты тонкой корочкой льда. Совсем рядом на асфальте – продолговатые щербинки, мелкие углубления тут и там, следы от «града». В этот серый вечер ноября, когда закат уже прорезался над крышами и довлеет теперь, словно чей-то огромный, воспаленный глаз, я захожу в подъезд и нажимаю кнопку звонка. За дверью слышны шаги, легкие, прыгающие. Минуты замирают свечкой, тихо тающей в консервной банке на столе. Воск оплывает. Собираясь вниз, капли распускается теплыми лепестками. Так стройное некогда мгновение, напол-

ненное смыслом, обретает причудливые очертания смерти, сна, забвения. Я впервые догадываюсь, что минуты и мины имеют общий корень. И то и другое слишком скоротечно, необратимо, здесь и сейчас.

Скрипит замок. Меня встречает светловолосая девочка лет семи, в красном свитере под горло и валенках. Она смотрит серьезно, совсем по-взрослому, прищурив глаза. Потом улыбается – но как-то странно: одной стороной рта, вторая остается неподвижной.

Потом мы проходим в квартиру, в дальние комнаты. В прихожей лежат ее игрушки, куклы и плюшевый медведь в цветных шортиках на лямке. Из многоэтажного дома некуда бежать, поэтому ночью, когда начинается обстрел, жильцы собираются здесь. Стены содрогаются, но все еще стоят. А девочка знает страшную тайну: ночью куклы не оживают, как говорила когда-то воспитательница в детском саду. Не просыпаются и не начинают плести друг другу косички, собираясь на бал. Они остаются немыми, никому ненужными. Пустыми оболочками. И дворца нет, и сказочного доброго льва с густой гривой – тоже.

Вероника Васильевна, бабушка девочки, в спортивном костюме и шерстяном платке на голове (из всех углов дует) греет на сковородке макароны и вдруг весело, со смехом, заявляет:

– Ты знаешь? Не верю. Вот ничему не верю. Все не так! На самом деле... Ведь я была студенткой. Жила в общежитии, пять человек в одной комнате. Пять веселых девок. Мы книги читали, пели под гитару. Учили немецкий. А еще к нам приходили друзья из соседнего корпуса. Потом я встретила Пашу. Разное было, плохое, хорошее... А то, что сейчас – того не было. Такого просто не может быть. Вот поэтому и не было.

ПРО СВОБОДУ

– Потому что, когда облака в небе, – сказал Олег, – мне представляется домик. Такой домик среди равнины. Под серым небом. Среди дождя. И дым из трубы идет, серый завиток. Ничего больше.

Вечером опять случился артобстрел. Олег не спускался, как другие, в подвал. Дел было слишком много! – Водоворот. Под

косматым громким небом он суетился во дворе, выкладывал плиточку – от калитки к крыльцу. Потом от крыльца к калиточке самозабвенно крепил. А ночью пил чай с медом, довольный и почти счастливый. Шутка ли? Несколько лет собирался двор выложить плиткой. Закупил недорогую кафельную, сгрузил, а после все откладывал и откладывал «на потом». И вот... почти готово. Собака, укладываясь возле батареи спать, елозила и негромко скулила – и все это были звуки детства. Мама вновь открывала калитку, а пес бежал встречать, скрипел под валенками снег, серебристо мерцая на солнце.

БАРАНКИ К ЧАЮ

Нет ничего хуже ожидания. По данным, поступившим в штаб, штурм объекта – бывшего жилого дома на самом краю города – должен был случиться не сегодня-так завтра. Но вот и сегодня уже прошло, и завтра заканчивалось. Бурый выходил на крышу дома, проверял, смотрел. С одной стороны еще высились обугленные строения города, а с другой – уже начинались поля и село. Блеклый магазинчик у дороги, разбитая витрина закрыта досками. Ровно в пять под козырьком, на входе, загорался тусклый фонарь, и тогда сумерки обретали какое-то предновогоднее, немного сказочное звучание. Снег еще не выпал, почва была сухой, черной, такой же – как многие здания вокруг, сгоревшие месяц назад. Тогда все рвалось и гудело. Пылал недавно отстроенный деревянный храм.

Теперь по вечерам наступала тишина. Минуты стягивались в лунку ожидания, застывая на ходу. Молчание той, другой, стороны давило своей неотмирностью. Жить было душно и скучно, словно в жарком помещении под белой больничной простыней.

Впрочем, предчувствия Бурого разделяли не все. Например, весельчак с позывным Бармоглод (или сокращенно Бар) играл на гитаре и пел про пачку сигарет, а Зеленбуз, уединившись под лестницей, писал какой-то философский трактат. В мирное время, рассказывали, он учился в аспирантуре и даже несколько месяцев жил в Париже, общался с ведущими мыслителями. «Экзистенциализм!» – говорил Зеленбуз, и его бледное лицо озарялось радостью. Бар очень уважал

труды Зеленбуза, а потому специально для него играл сентиментальные романсы про любовь. В такие моменты Зеленбуз вспоминал Париж и плакал.

В подразделении был установлен сухой закон, но не только это увеличивало тоску. Бурый рассеяно смотрел в окно, перечеркнутое лентой скотча (казалось, на улице всегда идет серый дождь), потом включил телевизор. «Ну, сегодня уж точно начнется... – думал он, – мы отстоим позиции. Дойдем до Киева. Потом. Чуть позже. Может быть, весной». Вспомнились недавние бои, когда сама почва, словно необузданный конь, ходила под ногами. Тогда погиб его близкий товарищ, ополченец Гусько. На родине, под Макеевкой, у сослуживца осталась жена и трое детей. Старшая дочь, Юлия, писала стихи про березы и звонную синюю даль; и читала их на камеру, скромно опустив глаза. Гусько показывал это видео, вновь и вновь крутил на телефоне – Бурому запомнилась худенькая девочка с белой волнистой челкой и платье ее, черное, в блестках, бархатный воротник, словно крылья бабочки. Еще за друга отомстить. За всех убитых...

Внизу послышалось движение. Перещелкнув затвор автомата, Бурый стремительно спустился на первый этаж. Он появился быстро и бесшумно, как тень. Но все уже было сделано. Под прицелом нескольких автоматов стоял парень. Какой-то убогий, в модных рваных джинсах и кофте на пуговицах. Крутил кучерявой головой. (Привет, поэт!) На лице несколько ссадин.

– Вот, – сказал Зеллебуз, – ходил тут и все фотографировал.

– Я его сразу заметил, – продолжил Бар, – но останавливать не стал. Дай, думаю, зайдет. Посмотрим...

– Я журналист, я просто... – хлюпал носом парень, – фотограф.

– Сдаешь свой аппарат, – кратко оценил ситуацию Бурый, – обыскали? Железо?

– Шел мимо, смотрю дом...

– Только техника. Еще штатив, пакет флешек. Во дворе долго кружил...

– Ребята, да я за вас! Я свой!

– А, может, за «Правый сектор»? Ха!

Из комендатуры уже ехала вызванная машина, и Бурому вновь становилось скучно. Это было не то событие, ко-

торое он ждал. Возможно, парень играет. Пришел, что-то тут вынюхивает. Но, скорее всего, нет – слишком открыто держится. Зашел через главный подъезд. Много сейчас таких придурков. У всех война, у них – театр. Фотосессия на руинах. Романтика. Как только не подорвался... все улицы раскурочены.

У магазина, в дымных сумерках, уже светился фонарь, бледным размытым пятном, едва заметным.

– Начинается, начинается! – закричал Бар, хлопая дверями. – Через полчаса, есть данные! Быть наготове! Через тридцать минут. Возможно...

– Ну вот, – неожиданно вяло сказал Зеленбуз, – а я голодный. Такое дело, ребята. Все консервы закончились. И хлеба нет...

– Как нет?!

Бурый открыл холодильник, и сам удивился: внутри было пусто. Только бутылка кетчупа и несколько сарделек в морозилке. Майонез, какие-то приправы.

– А если осада, тогда что? Долго продержимся?

– Вот что! – Бурый уже застегивал на ходу куртку, – смогаюсь. Здесь рядом. Заказы есть? Пожелания?

С южной стороны послышалась серия приглушенных залпов. Погрохотало, и смогло. В соседний район, видимо, прилетело.

– Баранки. Баранки к чаю, – мечтательно отвечал Зеленбуз.

* * *

«Ситуация так себе, средней критичности, – подумал Бурый, всматриваясь в холодное темное небо, – на самом деле, пять минут туда, пять обратно. Управляюсь быстро». Недавняя канонада с южной стороны напрягала не особо сильно: она была далекой, немного вялой – «на разогрев». В то же время бой мог случиться в любой момент, и Бурый ускорил шаг.

Внизу магазин ощущался совсем не так, как сверху. Он был длинным, грязным, наскоро сколоченным из досок, с рекламными листовками, приклепанными около двери. На ступеньках, поджимая лапки, ютилось несколько кошек. А лам-

почка горела вызывающе остро и беспощадно: она словно бы разрезала реальность своими тонкими лучами, отделяя темную сторону от светлой. Сказочный предновогодний мираж рассеялся. Скрипнула дверь, на улицу вышла девушка. Одно мгновение она смотрела на Бурого, потом опустила глаза – и навсегда ушла, исчезла в синей мгле вечернего города. Так и осталась между ними вечная недосказанность. Тающий взгляд, легкая походка, черный капюшон, тряпичная сумка-авоська в руке. Чувство горечи и Алены где-то внутри.

Бурый не был женат, но под Воронежем жила его любимая. Тихая, немного иконописная: такие ровные, тонкие черты лица. Волосы разделены на два пробора, тяжелым песочным потоком спадают на плечи. Но особенно удивительными у нее были глаза, большие, серо-зеленые. И как смотрела она – всегда немного поверх предметов, печально и отрешенно. Алена уговаривала его не ехать на войну яростно, до слез; а провожала на вокзал молча, сжав сухие бескровные губы. Все отворачивалась, и на платформе стояла недолго. Помахала перчаткой и пошла, не оглядываясь. Такой он ее запомнил и любил, – ведь настоящему чувству не страшны испытания. Он уже обещал приехать на новогодние праздники, и знал, что Алена ждет. Каждый день и каждый вечер. Слушает стук поездов, гул ветра, смотрит, как в небе вороны летают. Верит. А в комнате всегда тускло горит настольная лампа, отбрасывая тень.

...Земля сотряслась от далекого взрыва, возвращая Бурого к реальности. Ночь наступала стремительно. Он поднялся по ступеням и, толкнув хлипкую дверь, оказался в узком помещении, похожем на вагон. Пахло яблоками и квашенной капустой, чем-то еще, подвальным, скисшим. Теснотой. Вдоль витрины стояла очередь. Что-то привычно обсуждала. Есть ли в таком-то квартале свет? А вот соседка родила. Да-да, вчера. Близняшек. Лизка рассталась с Володей. Слышали? И прочее. «Бла-бла-бла». Кроме бабушек, в очереди томились мужики и совсем молодые парни, – летом Бурый наблюдал с крыши, как они гоняют во дворе футбольный мяч.

– Три, – сказал очередной мужик на кассе, и продавщица тут же сняла с полки три бутылки водки. Весело добавила:

– Граждане, через пять минут будет все. Соблюдайте регламент!

– Ой все! – ахнул кто-то в очереди и засмеялся.

Неожиданно Бурый почувствовал, как его накрывает волна презрения. Пока идет война, эти красавцы сидят на диване, потягивают пиво, смотрят сериалы, трахаются с женой и любовницей. Следят за новостями. И все у них жизни есть. И ничего не надо. Наблюдатели поганые.

– Мужики, – через силу произнес Бурый, ощущая в этом слове неправду, – пропустите без очереди. А? У нас тут войнушка скоро начнется... Успеть бы затариться.

– Аа... Нуу... – замялся какой-то дедок в потертых трениках и нелепой шапке-ушанке, – дак, ну это, давай, конечно...

– Проходи, родной! – поддержала старушка в черном платке, – мы-то всегда успеем...

Бурый оглашал свой нехитрый список (хлеб, макароны, тушенка...), а спиной так и чувствовал сверлящий взгляд мужиков-приспособленцев. А сколько таких сбежало в Россию! Скорее, по кочкам, пока чего не вышло...

И как хорошо было потом. Ступить из вязкой духоты на улицу, в прохладную темноту, наполненную ветром. Вздохнуть полной грудью. При этом что-то цепляло. Одна навязчивая мысль... бесформенная, липкая, настойчивая, похожая на сжатую пружину.

Потом вдруг сверкнула – одновременно с проехавшей мимо машиной. Всплеск грязи из-под колес. Баранки! Баранки не купил. Перед глазами возник образ философа, как он утирает бумажной салфеткой слезу – такой беспомощный, смешной, в очках; со своим несчастным Парижем, и при этом – желающий защищать родину, дом. Быть настоящим. Бурый повернул назад.

И в этот момент раздался выстрел.

О ПОЛЬЗЕ СПИРТА (разговор в очереди)

У нас-то ладно. А вот соседний городок! Среди полей и обычных частных домов стоит девятиэтажка. Одна-единственная возвышается. По ней – все обстрелы и велись, как по мишени. Жильцы давно разъехались, только одна пожилая женщина с двумя собаками осталась. Никуда уезжать не собиралась.

– Как вы выжили?! – спрашиваю. – Страшные обстрелы! И все по этому дому!

– А я пряталась в канализационном люке. Вместе с собаками. Не пережила бы все это... Но имелся запас медицинского спирта. Пока сидела, его пила... Собаки жались рядом и выли. Боялись страшно.

– А моя собака не смогла пережить. Она была обучена реагировать на выстрел. Но после серии бомбежек заболела. С ней случилась эпилепсия. Возил в разные клиники, ветеринары сказали, что ничего сделать не могут – это психологическая у нее проблема. Так и умерла...

– Маркиз тоже не пережил. Как началась война...

– Как вечером загрохотало, решили мы с мужем уехать на машине. А пес не пускает. Рычит, кидается с порога. Спустя несколько минут во двор прилетает. Там, где стояла машина – груды метала...

ХВАТИТ

Журналистам Олег сказал, что он – за мир во всем мире. Что он устал от войны, а дел столько – просто водоворот. Плитку во дворе недавно выложил. Еще нужно ремонт террасы закончить, давно собирался. Внутри комнат картины повесить. Какие? Да хоть фотографии терриконов на закате. А какое красивое над Донбассом небо! Такого – нигде нет. А еще... глаза Олега радостно просияли – недавно он стихи стал писать. Да-да, никогда такого не случалось. А тут, как прошибло. Снизойшло. Есть про Гиви и Моторолу, про то, как погибает незнакомая девочка с глазами из самого синего льда. На городской улице, под темным небом, упав ничком; а Ворошилов по-прежнему правит конем. Ай-да Ворошилов! «Ну, он каменный, поэтому... – вздохнув, поясняет Олег, – не меняется». И больше, гораздо сильнее, волнуют Олега другие темы – про дом, природу, взаимную любовь. Прощение. И жене такая поэзия очень нравится, она готова слушать его бесконечно. «Я счастлив!» – восклицает Олег, а потом смущенно замолкает, прислушивается к внутреннему голосу.

ПЕЩЕРА

Там лампадки мерцают в темноте. – Перед строгими ликами икон в деревянных окладах. Хор поет печально, монотонно. Отворяются врата и в центр медленно выходят священнослужители в темно-синих облачениях. Маленький мальчик торжественно несет перед ними высокую, пылающую свечу.

Бурый наблюдал зачарованно, – то надо же. Поздний вечер, вот-вот начнется артобстрел. Те, кто пока еще жив – спрятались в подвалы. А здесь, во временном пристанище – бытовке, поставленной на месте сгоревшей церкви, своим чередом неспешно совершается служба. Сквозит из всех углов. Стены сотрясаются. Лампады гаснут, их вновь зажигают. Электричества давно нет. А хор все поет, теперь высоко и тонко. Бурый прислушался. Ведь только на одно мгновение, по пути забежал – свечу поставить. Так Алена просила, когда из госпиталя выписывался и обратно ехал.

* * *

На земле ничего не менялось. По-прежнему царил сумрачный, вечный ноябрь. Небесная твердь была горькой, как польнь, и бесснежной. Только кладбище за городом росло и ширилось, как море в непогоду. Кресты вздымались на холмах.

«Христос рождается...», – разобрал два слова Бурый, и очень удивился. До Рождества было еще слишком далеко, день за днем... А пока ничего не предвещало праздника. Но в тот момент, он точно знал: где-то недалеко, в подвале, в тесноте и холоде, уже рождался младенец. Молодая мама, склонившись, держала его крохотную ручку. Собака и кот сидели рядом. Тихая звезда, мерцая, взошла... Однажды.